

СОВЕТСКАЯ КУЛЬТУРА

Алесь АДАМОВИЧ:

ВРЕМЯ ПОТОРАПЛИВАЕТ НАС

Ему было пятнадцать лет. В поселке, где он вырос, стоял вражеский гарнизон. Мать работала в аптеке и переправляла в партизанский отряд медикаменты. В полицию поступил донос. Матери и ее сыновьям пришлось уйти от расправы к партизанам в лес...

Это сюжет романа Алесь Адамовича «Война под крышами» и это — военная юность автора романа, ныне широко известного белорусского писателя, лауреата Государственной премии БССР, лауреата премии Министерства обороны СССР.

Разговор идет о том, что никогда не перестанет волновать писателя.

— Около полугода назад, Александр Михайлович, как комментатору белорусского радио мне довелось беседовать с вами в радиостудии. Речь шла о главном вашем писательском интересе — героике и трагедии минувшей войны. Читая пришедшие после передачи отклики, мы имели возможность еще раз убедиться, насколько это непреходяще, жгуче — память суровых военных лет. Вот услышала вас Надежда Никитична Россочинская из Гомеля, и то, о чем вы говорили, настолько ее взволновало, что, не очень привыкшая выражать свои мысли письменно, раскрыла она школьную тетрадку и всю исписала исповедью о страшном, выпавшем в военные годы на долю ее, деревенской девочки. А бывшую узницу Освенцима, инвалида Отечественной войны Ксению Анникеевну Титаренку до глубины души возмутили приведенные вами факты, что кое-кто на Западе не прочь приуменьшить преступления фашизма. Учительница Зинаида Александровна Ужакло из выжженной во время войны оккупантами партизанского Освейского края на севере Белоруссии, тоже познавшая ужасы концлагеря, обеспокоена, передастся ли во всей остроте память и боль людей, прошедших через военные испытания, последующим поколениям. Зинаида Александровна считает поэтому, что такие книги, как ваши, очень нужны... К вам приходит, я знаю, много подобных писем — книги ваши имеют широкий читательский резонанс. Так вот вы с этими письмами знакомитесь и...

— ...и разделяю беспокойство Зинаиды Александровны Ужакло. Не одной Зинаиды Александровны, впрочем. Сегодня этим озабочены многие: будет ли, скажем, перехватывать в горле у наших детей, внуков, правнуков в минуту молчания 9 мая, как перехватывает у нас? Что нужно сделать, чтобы история сохранила в памяти своей все, что пережил наш народ в пору Великой Отечественной? Возможно ли это сделать?

Среди авторов писем, о которых вы вспомнили, все больше становится людей, бывших в военные годы подростками, а то и совсем малышами. Конечно, и детская память емкая. Об этом свидетельствуют, например, повести Валентина Распутина, такие точные по ощущению военного времени, так же, как и книги близких к нему по возрасту белорусских писателей Ивана Чигринова, Вячеслава Адамчика, Виктора Козько. Но ведь и это поколение седеет уже.

Теперь, когда книга «Я из огненной деревни» читается, переводится, не могу не вспомнить, что на дороге ее к читателю были и тернии. Но союзников у нас и у книги было больше. И они оказались сильнее. К шести редакциям республиканского журнала «Малодосць», тогдашнего его главного редактора поэта Геннадия Буравкина, угрюмая настороженность дующих на воду не остановила публикации записей на журнальных страницах. А уж потом стало легче — книгу опубликовали журналы «Октябрь», «Неман». Пошли письма, отклики, и стало очевидно, насколько это важно — сохранить память уцелевших в огне, их свидетельства. Ведь они обращены не только во вчерашний, но и в сегодняшний, в завтрашний день.

Среди откликов на радиопередачу, со ссылкой на которую вы начали, мне особенно интересно было письмо заместителя председателя Витебского областного суда Михаила Ефимовича Мариненко. Автор письма был членом судебной коллегии, рассматривавшей дело изменника Родины, бывшего полицейского, участника массовых расстрелов советских граждан в одном из оккупированных фашистами райо-

нов Витебщины. Случилось так, что накануне процесса Мариненко познакомился с книгой «Я из огненной деревни». Именно об этом он пишет. Рассматриваемое преступление, замечает Михаил Ефимович, увиделось на пылающем фоне общенародной трагедии. Значит, книга «работает» на сегодняшний день, на будущее.

«Это нужно не мертвым — это нужно живым...» — вот истина, которая должна бы нас поторапливать с записями народной памяти. Было время, когда ею руководствовались, опираясь на внутренний порыв и на собственную инициативу, лишь отдельные энтузиасты. Так, у нас в Минске молодая журналистка Светлана Алексиевич старательно записывает воспоминания женщины — бывших фронтовичек, партизанок, подпольщиц. Материал у нее интереснейший.

А вот впечатляющий пример масштабного, организованного подхода к благородному этому делу. В каждом районе, каждом городе республике создается Кинга народной славы. Ставится задача по возможности записать обо всех, кто отдал жизнь за Родину на территории Белоруссии в Великой Отечественной, то есть благородное обязательство живых перед павшими «Никто не забыт и ничто не забыто» мы хотели бы исполнить буквально. К работе подключаются писатели, журналисты, художники. Предполагается широкое участие в ней учителя, студентов, старшеклассников-школьников...

Недавно я был в Болгарии. Всякий раз, когда я рассказывал об этом большом начинании, аудитория отвечала аплодисментами, в которых слышалось одобрение. Да, необычность и высота задуманного дела очевидны. Из опыта работы над книгой «Я из огненной деревни», работы кропотливой и долгой, мы, собиратели книги, можем быть, больше, чем кто-либо другой, представляем, как сложно будет претворять такой замысел в жизнь, сколько потребует терпения, такта, упорства. Идти-то ведь надо по целине, никто и никогда подобного не предпринимал. Но будущие результаты и сам процесс осуществления намеченного, помимо всего прочего, — какой это может стать великолепной, ни с чем не сравнимой школой нравственного воспитания!

— В русле, о котором идет речь, и создаваемая вами вместе с Даниилом Граниним «Блокадная книга» — тоже горестный, на многих страницах, беспощадно жестокий, сердце переворачивающий документ и в то же время размышление об истоках злыбности военного Ленинграда, донныне поражающей мир...

— В числе иных документов было у нас с Даниилом Александровичем при работе над книгой много дневников. Сама по себе потребность и сила воли на грани голодной смерти фиксировать в дневнике происходящее вокруг, свои ощущения и размышления — уже показатель морального, душевного богатства: ведь человек, ведший записи, понимал: скорее всего ему самому эти записи не читать. И тем не менее собирал последние силы, поверял бумаге всю правду о себе, о близких, о блокаде. Для тех, кто останется в живых. Чтобы помнили, знали.

Я рассказывал уже как-то в статье о впечатлении, которое произвело на нас знакомство с одним из таких дневников — с тетрадкой, оставленной школьником Юрием Рябинкиным. Мирвосприятнее вначале детское, мальчишеское — какое необыкновенное время наступает, непременно надо про него записывать, чтобы когда-нибудь записанное читать, вспоминать, рассказывать... Но затем, от страницы к странице, все это сменяется вдумчивым, трагическим осмыслением того, что приходится видеть, что происходит в нем самом. Вот Юра мучается тем, что, отстояв многочасовую очередь за убогим пайком хлеба, по дороге домой не выдерживает и отщипывает от полученных на семью граммов — ведь он съедает что-то из порции матери, из порции сестрички! В дневник заносится жестокое укору себе, он себя уличает, казнит, тетрадь с записями становится средством борьбы с тем, что и взрослым одолеть тяжело, — с голодом, со своими слабостями.

У блокадников-ленинградцев было такое понятие — моральная дистрофия. У людей послабее наступала она или как результат, или как предсказание дистрофии фи-

зической. Юра умер от дистрофии физической, но моральную — победил.

Как меня покорило, когда один молодой редактор, знакомясь с новыми главами «Блокадной книги», стал ничтоже сумяшеся править переведенные на белорусский язык страницы Юрино дневника — что-то вычеркивать, что-то дописывать, — не понимая, что он не чей-то стиль исправляет, а своим уверенным карандашом редактирует жизнь Юры Рябинкина. Пужно ли говорить, что бойкости этой я решительно воспротивился.

Не редактировать, не украшивать такие жизни, как Юры Рябинкина, мы должны, а уважать, изучать и преклоняться перед ними.

— В журнале «Дружба народов» опубликована ваша новая повесть «Каратели». Само название говорит, какой материал стал в ней предметом художественного исследования. Материал, для многих читателей неожиданный у автора «Хатынской повести».

— А почему неожиданный? «Каратели» задуманы были и писались именно как продолжение «Хатынской повести». Для меня эти вещи — диалог, и я хотел бы, чтобы издавались они вместе, под одной обложкой.

Если вдуматься, то ведь это тоже рассказ о трагедии Хатынской. Только с противоположной точки зрения. С точки зрения тех, кто повинен в трагедии. Кто жег, убивал, насиловал. Повесть писалась долго, восемь лет. Работе предшествовало и сопровождало ее кропотливое изучение документов, присутствие не на одном процессе будущих прямых и возможных персонажей повести.

Что это за люди? Как они стали теми, кем стали? Как позволили себе стать или сделать себя такими?..

Что же касается двигавшего перо побуждения более общего порядка, то, конечно же, им было оскорбительное для наших чувств, бесстыдное стремление определенных кругов за рубежом «припудрить», даже реабилитировать убийц и палачей со свастикой в руках и в сердце. Во время зарубежных поездок мне не раз приходилось сталкиваться с фактами, свидетельствующими о таком стремлении. Иногда откровенно, иногда прикрытым разглашательством: о сроке давности, обстоятельствах, которые, мол, сильнее человека, и т. п.

— Прозаик, критик, ученый-литературовед, вы работаете еще и в театре, в кино...

— Точнее было бы сказать, не всегда отказываюсь, когда кто-нибудь из театральных режиссеров или кинематографистов предлагает совместно поискать сценическое либо экранное решение литературной моей публикации. Если, конечно, чувствую в обратившемся с предложением единомышленника, знаю и уважаю сделанное им ранее. Так было у меня с романами «Война под крышами» и «Сыновья уходят в бой», так было с «Хатынской повестью».

Как многим писателям, мне не всегда везло при переложении рассказанного словом на язык другого искусства. Это ведь случай из редких, чтобы, скажем, книга, равная «Сотникову» Василя Быкова, стала фильмом, равным «Восхождению» Ларисы Шепитько.

Тем более поэтому приятен мне и моим товарищам по работе над книгой «Я из огненной деревни» успех белорусского кинодокументалиста Виктора Дашука, снявшего на материале книги пять правдивых лент. Короткие фильмы Дашука признаны, отмечены призами на авторитетных смотрах. С трибуны проходивших в Минске Всесоюзного совещания по военной литературе Константин Михайлович Симонов сказал, что снятое Дашуком по книге «Я из огненной деревни» — документ, который следует хранить как гневное и неопровержимое обвинение фашизма.

Вроде бы не стыдно и за спектакль «Возвращение в Хатынь» — сценическую интерпретацию «Хатынской повести» в Русском драматическом театре БССР им. М. Горького. Работали мы с режиссером Борисом Луценко азартно. Даже захотелось в результате самому попытаться счастья в драматургии. Подумываю о пьесе. Притом не просто о пьесе, а о комедии, кажется, сатирической...

Но это уже в тему нашего разговора не входит.

Беседу вел
В. МЕХОВ.

МИНСК.